

Пресуществленіе Святыхъ Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи.

ЧАСТЬ II.

Ученіе о пресуществленіи въ первые 3 вѣка, — неопредѣленность этого ученія. Ученіе о пресуществленіи у свв. Григорія Бог., Кирилла Іерус., Іоанна Злат., Амвросія Медиоланск., блаж. Августина, Григорія Двоеслова, Іоанна Дамаскина и Феодилакта Болгарскаго. Заключение.

На вопросъ, предложенный въ концѣ предыдущей главы, мы должны отвѣтить безусловнымъ „да“, хотя голосъ безпристрастія требуетъ замѣтить, что ученіе о пресуществленіи у отцовъ — не всегда находилось на одинаковой степени ясности. Въ этомъ отношеніи первые 9 вѣковъ можно подраздѣлить на слѣдующіе 3 періода: 1) I—III вв., 2) IV—VII вв., 3) VIII—IX вв.

I. Въ писаніяхъ отцовъ и учителей Церкви первыхъ трехъ вѣковъ нельзя найти несомнѣнныхъ данныхъ въ пользу ученія о пресуществленіи, а можно выводить эти данныя лишь только дедуктивнымъ путемъ изъ тѣхъ посылокъ, которыя заключаются въ ихъ твореніяхъ. Способъ этотъ, впрочемъ, обоюдоострый: имъ, въ равной степени, пользуются и протестанты и католики съ православными, и полагаться на него вполне нельзя. Въ качествѣ иллюстраціи своей мысли приведемъ слѣдующій примѣръ. Кислингій, процитировавъ слова св. Иринея Ліонскаго: „какъ хлѣбъ отъ земли, принимая призваніе Бога, не есть уже обыкновенный хлѣбъ, но Евхаристія, состоящая изъ двухъ вещей — изъ земного и небеснаго; такъ и тѣла наши, принимая Евхаристію, не суть уже тѣлныя, имѣя надежду воскресенія во вѣки“¹⁾, — толкуетъ ихъ такимъ образомъ: „это

¹⁾ Iren. Contra haer. L. IV, c. XVIII.

ученіе Иринея до того согласно съ чистымъ ученіемъ Евангельскимъ (понимаемымъ, конечно, по протестантски), что ничего нѣтъ выше его. Правильно вмѣстѣ съ нами Ириней раздѣляетъ матерію (*materia*), изъ которой состоитъ Евхаристія, на земную и небесную. Мы знаемъ, что земную составляетъ хлѣбъ и вино, небесную же — тѣло и кровь Спасителя. Однако-жь и символы земные, умноженные и украшенные священнымъ едипеніемъ, не остаются болѣе пустыми знаками, но представляютъ тѣло Христа и кровь¹⁾. Совсѣмъ иначе понимаетъ слова Иринея Bellarmin. „Здѣсь, говоритъ онъ, Ириней учить о перемѣнѣ субстанціи какъ хлѣба, такъ и тѣла нашихъ: поелику онъ говоритъ о перемѣнѣ, которая будетъ въ воскресеніи, когда состоящія изъ праха и непра тѣла наши перемѣнятся въ тѣла прославленные и безсмертныя“²⁾.—Каждый изъ нихъ съ своей точки зрѣнія правъ: слова Иринея, взятая отдѣльно, могутъ говорить въ пользу того и другого. Итакъ, методомъ дедуктивнымъ нужно пользоваться съ крайнею внимательностью и осторожностью и примѣнять его къ отдѣльнымъ изреченіямъ отца ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Причина, почему отцы первыхъ трехъ вѣковъ мало занимались или даже совсѣмъ не занимались вопросомъ о пресуществленіи въ Св. Евхаристіи, понятна. Главное вниманіе ихъ было обращено на нравственную сторону таинства, его значеніе для души вѣрующей, а не на сущность. Отцы часто останавливались на установленіи таинства Христомъ, единеніи Христа съ нами чрезъ таинство, развивали мысль о необходимости благоговѣйнаго отношенія къ тѣлу и крови Христовой и т. п. и призывали вѣрующихъ къ постоянному общенію со Христомъ чрезъ таинство: къ этому побуждала ихъ тѣма и невѣріе окружающаго язычества. Но отцы имѣли мало побудительныхъ причинъ выяснять, въ чемъ состоитъ сущность таинства. Если же эти побудительныя причины и встрѣчались, то степень развитія тогдѣшней богословской мысли, съ одной стороны, и близость ко времени Христа и живое ощущеніе Его историческаго бытія—съ другой—побуждали ихъ ограничиваться лишь евангельскимъ спосо-

1) Kieselng. op. cit. pag. 70.

2) Bellarm. t. III, Lib. II, c. VI, p. 225.

бомъ выраженія и говорить объ Евхаристіи только словами Христа и Апостоловъ ¹⁾. Въ писаніяхъ отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ мы не встрѣчаемъ столь обычныхъ въ IV и V вв. терминовъ *μεταβολή*, *μεταποιησις* и др. Ихъ замѣняли Евангельскіе: *ἐστί* ²⁾ и *γίγνεται* ³⁾; причемъ употребляются нѣкоторая постепенность въ употребленіи даже и этихъ терминовъ: сначала *ἐστί*, потомъ *γίγνεται* и у послѣдующихъ писателей (Оригена, Климента, Тертулліана) *ποιεῖν*, *faceo* ⁴⁾. Такъ происходила постепенно самая эволюція термина *μετουσίωσις*: сначала—*ἐστί*, *γίγνεται*, потомъ—*μεταβολή*, *μεταποιησις* и, наконецъ, *μετουσίωσις*.

Конечно, трудно было при помощи этихъ простыхъ словъ: *ἐστί* и *γίγνεται* выразить идею пресуществленія, если даже она и представлялась отчетливо въ сознаніи писателей первыхъ трехъ вѣковъ. Мы говоримъ: *если даже*, потому что неточность, неопредѣленность въ слововыраженіи нѣкоторыхъ учителей II—III вв. прямо даетъ поводъ заподозрить ихъ въ символизмъ. Мы не будемъ здѣсь разсматривать самыя писанія этихъ отцовъ—задача очень трудная и сложная, а сошлемся на авторитетъ такого догматиста, какъ преосв. Сильвестръ, котораго уже ни въ комъ случаѣ нельзя заподозрить въ протестантскомъ образѣ мыслей. Вотъ что говоритъ онъ между прочимъ послѣ тщательнаго изслѣдованія ученія объ Евхаристіи Оригена и Климента Александрійскаго: „на основаніи вышесказаннаго нужно признать за несомнѣнное какъ то, что Оригенъ (и Климентъ тожь) не признавалъ въ Евхаристіи существованнаго измѣненія евхаристическихъ элементовъ, такъ, съ другой стороны, и то, что онъ признавалъ въ Евхаристіи не воображаемое только, а дѣйствительное присутствіе животворной силы прославлен-

¹⁾ Прим. Отсюда понятно, почему протестанты съ такимъ удобствомъ приводятъ отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ въ свою пользу.

²⁾ См. напр. у Игн. Богосл.: „*Ἐὐχαριστίας καὶ προσευχῆς ἀπέροισται* (еретика) *διὰ τὸ μὴ διολογεῖν τὴν Ἐὐχαριστίαν ἀλλὰ εἶναι τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὴν ὑπερ ἀμαρτωλῶν ἡμῶν παρούσαν* (Ad Smyrn c. 7). Или: „*Ἄρτον Θεοῦ θείω, ἄρτον οὐράμιον, ἄρτον ζωῆς, ὅς ἐστι σῶσις Ἰησοῦ τοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ* (ibid.).

³⁾ У Иринея: *γίγνεται ἡ Ἐὐχαριστία ὅπανα Χριστοῦ* (Contr. haer. L. V, c. 2, 33).

⁴⁾ См., напр., Тертулл. Contr. Marcion L. IV. (Цит. будетъ ниже).

ной плоти Христовой съ соединеннымъ съ нею Божествомъ и что поэтому онъ не былъ полнымъ символизмомъ“ ¹⁾. Былъ, слѣдовательно, скажемъ мы, тѣмъ, чѣмъ въ XVI в. Лютеръ; оттого-то на него такъ и любятъ ссылаться Лютеране ²⁾. Подобно Оригену довольно двусмысленно выражается и Тертуллианъ, представляя обширное поле для догадокъ и предположеній ³⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы перейдемъ къ разсмотрѣнню того въ учени отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ, что, по нашему мнѣнью, можетъ говорить въ пользу ихъ вѣры въ пресуществленіе. При этомъ замѣтимъ, что для правильного уразумѣнія ихъ учения необходимо обращать вниманіе на обстоятельства, при которыхъ и по поводу которыхъ писали свв. отцы. Особенно важно это въ отношеніи къ писаніямъ свв. Игнатія Богоносца, Иустина мученика и Иринея Лионскаго, творенія которыхъ вызваны запросами времени: появленіемъ еретиковъ и гоненіемъ со стороны язычниковъ. Та или иная доктрина еретиковъ придаетъ уже особое значеніе и смыслъ направленному противъ нея писанію. Пояснимъ свою мысль примѣрами. Намъ извѣстно уже изреченіе св. Игнатія Богоносца: „они (т. е. еретики) удаляются отъ евхаристіи и молитвы по той причинѣ, что не признаютъ, что евхаристія есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, пострадавшаго за наши грѣхи, которую воскресилъ Отецъ по Своей благодати, почему, противясь дару Божию, они умираютъ въ своихъ изысканіяхъ, (между тѣмъ) полезнѣе было бы имъ участвовать въ Евхаристіи, чтобы и воскреснуть“ ⁴⁾. Сами по себѣ

¹⁾ Ep. Сильвестръ. Догматическое Богословіе Т IV, стр. 450

²⁾ См., напр., Peti Mart. Conti. Gardiner. P IV, Object 162, 168 и др

³⁾ Извѣстно, напр., его выраженіе Accersiens panem (Christus) et distributum discipulis corpus Meum fecit hoc est corpus Meum, dicendo. hoc est figura Corporis Mei. Contr. Marcion. Lib. IV. Что въ первые три вѣка былъ довольно распространенъ взглядъ на Евхаристію, какъ на символъ, образъ (τύπος) тѣла и крови Христа, можно видѣть изъ свидѣтельства Макарія Мавриса (+266), пресв. Іерусалимскаго, который говоритъ между прочимъ „(въ Евхаристіи) не образъ тѣла и не образъ крови (οὐ γὰρ τύπος σώματος, οὐδὲ τύπος αἵματος), какъ некоторые ослѣпленные возглаголюша“.

(Цит. изъ догматвнн Макарія).

⁴⁾ Ignat. Ad. Smyrn. c. 7

эти слова не говорятъ ничего опредѣленнаго въ пользу пресуществованія. Другое получается, если мы обратимъ вниманіе на обстоятельство, ихъ вызвавшее. Св. П. Богоносець вооружается здѣсь противъ еретиковъ докетовъ, которые учили, что Христось имѣлъ плоть призрачную, являющуюся, а не настоящую. Очевидно и Евхаристию они не признавали плотію Христа въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ вообще не признавали Его плоти, т. е. не признавали ее дѣйствительною плотію Христа. Отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что всѣ неудалившіеся отъ Евхаристіи и молитвы, каковыми были самъ Игнатій и прочіе христіане, но иначе смотрѣли на Евхаристию, какъ на дѣйствительную, а не воображаемую только плоть Христову. Подтверженіемъ этому служатъ и употребленныя Игнатіемъ усиленныя выраженія для ботѣе точнаго обозначенія составляющей Евхаристию плоти Христовой, какъ плоти, которая страдала за наши грѣхи и которую воскресилъ Отець по Своей благости ¹⁾).

Приведемъ другой примѣръ подобнаго же дедуктивнаго толкованія. Св. Іустинъ мученикъ въ 1-й Апологіи въ защиту христіанъ говоритъ между прочимъ: „мы принимаемъ это (Евхаристию) не какъ обыкновенный хлѣбъ и обыкновенное питье (*οὐ ὡς κοινὸν ἄρτον, οὐδὲ κοινὸν πόμα*), но какъ Іисусъ Христось, Спаситель нашъ, воплотившійся чрезъ слово Божіе, имѣлъ плоть и кровь для спасенія нашего, такимъ же образомъ и мы научены, что пища эта, надъ которой совершается благодареніе чрезъ слово молитвы отъ Него (данное) и отъ которой питаемся чрезъ преложеніе (*κατὰ μεταβολήν*) наша плоть—есть плоть и кровь того же воплотившагося Іисуса ²⁾“. Словами этими Іустинъ имѣлъ въ виду защитить христіанъ отъ взводимаго на нихъ обви-

¹⁾ Такъ аргументируетъ преосв. Сильвестръ См. его Догм. Бог. т. IV, стр. 430—431. Одного образа мыслей съ нимъ и Bellarmin (См. t. III, l. II, с. 2, р. 251).

²⁾ Bellarmin приводитъ еще слѣдующее мѣсто изъ Кириана: *panis iste, quem Dominus discipulis porrigebat non efficit, sed natura mutatus omnipotentia Dei factus est caro et sicut in persona Dei humanitas apparebat et latebat divinitas, ita sacramento visibili ineffabiliter divina se infudit essentia*. Но изъ того же Bellarmin'a видно, что сочлененіе, въ которъ находятся означенныя слова, можно приписывать Кириану (t. III, р. 261).

носія, именно, что они на вечеряхъ своихъ употребляютъ въ пищу плоть и кровь младенцевъ. Какой же аргументъ употребляетъ Іустинъ? Онъ не разувѣряетъ азычниковъ въ томъ ихъ убѣжденіи, что христіане ѣдятъ плоть и кровь, но только старается показать, что это—плоть и кровь не обыкновенныхъ людей, а Іисуса Христа, Сына Божія и не та плоть, которую воображали азычники, а предложившіеся въ плоть и кровь въ силу благословенія хлѣбъ и вино. Если бы вѣры въ пресуществленіе въ древней Церкви не было, а вмѣсто этого былъ бы взглядъ на хлѣбъ и вино, какъ на символы тѣла и крови Христа, тогда Іустину и нечего было бы принимать на себя трудъ вышеприведенной аргументаціи, а слѣдовало бы только выяснитъ настоящее положеніе дѣлъ. Если же Іустинъ не дѣлаетъ этого... etc...

Мы привели два примѣра дедуктивнаго истолкованія св. оо. II вѣка въ пользу ученія о пресуществленіи. Истолкованіямъ этимъ нельзя отказать въ нѣкоторомъ значеніи ихъ, какъ доказательствъ; однако же и полагаться на нихъ слишкомъ нельзя. Мы можемъ только *болѣе* или *менѣе* правдоподобно предполагать, что такова была мысль св. отца; но предположеніе далеко еще не есть доказательство. Вообще же должно сознаться, что о вѣрѣ первенствующей Церкви въ пресуществленіе мы ничего опредѣленнаго не знаемъ. Безъ сомнѣнія, вѣра эта была; иначе откуда она является въ IV вѣкѣ облеченною въ довольно строгую и стройную доктрину,—но святоотеческая литература первыхъ трехъ вѣковъ несомнѣнныхъ данныхъ въ пользу ея не даетъ.

II) Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ послѣдующихъ вѣковъ — IV—VII.

Вѣка эти были періодомъ высшаго развитія христіанской богословской мысли. На всемъ протяженіи ихъ созывались соборы, усиленно обсуждались догматы вѣры, писались многочисленныя сочиненія въ опроверженіе еретиковъ, изъяснялось Св. Писаніе, устанавливалась обрядовая сторона церковной жизни. Не мудрено поэтому, если въ указываемое время наравнѣ съ другими богословскими вопросами получилъ основательную разработку и вопросъ о таинствѣ Евхаристіи. Начата была эта разработка свв. Григоріемъ Нисскимъ и Кирилломъ

Иерусалимскимъ и получила свое завершеніе въ послѣдующемъ періодѣ—у Іоанна Дамаскина. Должно замѣтить однако, что никто изъ отцовъ указываемаго періода не задался специально разрѣшеніемъ вопроса о пресуществленіи. Если отцы и касались этой стороны таинства Евхаристіи, то касались мимоходомъ, не останавливаясь долго на ней. Происходило это не изъ недостатка побудительныхъ причинъ, не изъ неразвитости богословской мысли и науки, какъ въ первые три вѣка. Причина была совершенно иная: пресуществленіе являлось религиозному сознанію отцовъ IV—VII в., какъ дата, которая должна приниматься безпрекословно и не подвергаться обсужденію; въ такомъ именно смыслѣ по поводу этого догмата высказывались свв. Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ и даже Іоаннъ Дамаскинъ. „Если ты отыскиваешь тотъ образъ, какъ это происходитъ, говоритъ св. І. Дамаскинъ, то тебѣ достаточно услышать, что съ помощью Св. Духа, ... и больше мы ничего не знаемъ“¹⁾... На тѣ немногія аналогіи, при помощи которыхъ отцы старались выяснитъ тайну пресуществленія, нужно смотрѣть лишь какъ на попытки представить яснѣе и удобопонятнѣе этотъ догматъ для вѣрующаго сознанія, а не какъ на задачу—раскрыть и доказать его. Обычными терминами отцовъ IV—VII вв. были *μεταβολή*, *μεταποίησις*, *μεταφύθμις*, *μεταστοιχείωσις*²⁾. Всѣ они,

1) I Дамаск. Точное изложеніе православной вѣры, Кн. IV, гл. 13, 7.

2) Прим. *μεταβολή* (первои. у Киръ Іерус., затѣмъ у Киръ Алекс., Софр. Іерус., І. Дамаскина и нѣк. друг.) *mutatio*, *permutatio* *transmutatio*, *immutatio*, *conversio*, *transitio* (у Амвр. Мед., Август., Ремигія и др.)

Означаетъ собственно: оборотъ, перемена, измѣненіе, превращеніе; главнымъ образомъ, перемену нравственную, перемену образа мыслей, званія, положенія, состоянія. Напр., у св. Григ. Нисскаго въ приложеніи къ крещенію: „*τὴν διὰ τοῦ βαπτισματος πρὸς τὸ ὑπείτερον μεταβολὴν καὶ μεταποίησιν*“ (*Cathedr. oratio*, сар. 40) Въ приложеніи къ таинству Евхаристіи, какъ увидимъ ниже, оно употреблялось у отцовъ въ значеніи перемены одной субстанціи на другую — *Μεταποίησις*;—передѣлка, перемена (впервые у Григ. Нисск., потомъ Θεодор. Герасилейскаго, I Дамаск. и нѣк. друг.—см. ниже). Въ общемъ значить може, что и *μεταβολή*. Недаромъ эти слова часто употребляются рядомъ и безразлично у одного и того же писателя (у древн.—I. Дамаскина, поздн.—Геенадія Схολарія, Мелетія Пигаса и др.), какъ взаимно поясняющія другъ друга. Ср. также только что приведенное мѣсто изъ 40 оглас. слова Гр. Нисс.— *Ἡ ἀφύθμις* и *μεταφύθμις* (главн. образ. у Іоан. Злат.)—лат. *transformatio* (у Амвр. Мед. и

за исключеніемъ развѣ послѣдняго, хотя и не выражаютъ идею пресуществленія вполне, однако же весьма и весьма близко къ ней приближаются; въ этомъ отношеніи они стоятъ далеко выше терминовъ I—III в.: *ἔστι* и *γίνεται*.

Первое мѣсто среди писателей IV в. по занимающему насъ вопросу должно отвести Григорію Нисскому, ученіе котораго о таинствѣ Евхаристіи пользовалось особеннымъ авторитетомъ и значеніемъ у послѣдующихъ писателей ¹⁾. 37-ое огласительное слово Григорія Нисскаго Іоаннѣ Дамаскинѣ положилъ въ основу 13-ой главы „о святыхъ и пречистыхъ таинствахъ Господнихъ“; Евенмій Зигабентъ ²⁾ и Виссаріонъ Никейскій ³⁾ цитируютъ этого отца, какъ точнаго и строгаго Богослова и выразителя вѣрованія перви своего времени. И это весьма понятно. Ученіе Григорія Нисскаго о таинствѣ Евхаристіи настолько точно и опредѣленно, что безъ всякихъ натяжекъ можетъ быть приводимо, какъ доказательство вѣры этого отца и современной ему церкви въ пресуществленіе. Всякому извѣстенъ, говорить Григорій Нисскій, тотъ законъ, что сущность, основу (*ὕλη* *συστασις*, букв. подставка) тѣла составляетъ пища; главною же пищею человѣка служатъ хлѣбъ и вино, которыя путемъ питанія претворяются въ тѣло и кровь. Богъ Слово, вступивъ въ единеніе съ человѣческимъ естествомъ, „обыкновенными средствами поддерживалъ существованіе тѣла своего—пищею и питаніемъ“, причемъ хлѣбъ уподоблялся Его плоти, такъ что „богоносное Тѣло, принимавшее въ

Авг.) отъ *μεταῖσθησις* *φοθαι* = перестраивать на чужой ладъ, преобразовать перемѣнять.—*Μεταστοιχειώσις* (впервые у Григ. Нисскаго—1 разъ, затѣмъ Θεοφ. Болгарскаго)=лат. Transselementatio (у Амвр.). Весьма сильное выраженіе, обозначающее собственно пережѣву одной стихіи въ другую. Можетъ быть поставлено почти на одну доску и *μετουσίωσις*.

При филологическомъ разборѣ словъ мы пользовались словаремъ Кіевскаго Филологич. общества, составленнымъ по Бензелеру. 1881 г. стр. 492, —3,—5.

¹⁾ Ученіе Григорія Нисскаго о таинствѣ Евхаристіи изложено въ 37 его огласительномъ словѣ. Греч. подлинн. „*Τὸν ἐν ἁγίοις, πατὴρς ἡμῶν Γρηγορίου, ἐπ. Νήσου, τὰ ἐρησκόμενα*, Parisiis. 1638 *Λόγος κατηχητικὸς ἃ μέγας*, жер. 25. pp. 102—105. Русск. пер. „Твор. свв. оо. въ русск.перев., издав. при Моск. Д. Ак. Т. 40, 7, 4, стр. 99—101.

²⁾ См. *Πανόπλια δογμ.* p. tit. 21.

³⁾ См. его книгу „*De verbis consecrationis* (Migne. t. 160).

пищу хлѣбъ, въ нѣкоторомъ отношеніи было съ нимъ одно и тоже“. Такимъ образомъ, простой хлѣбъ, „претворившись (*μεταποιουθεὶς*) въ ономъ Тѣлѣ, пріять Божественную силу“. Также самое, говоритъ св. Григорій, мы видимъ и нынѣ. Только нынѣ хлѣбъ не яденіемъ и питіемъ входитъ въ тѣло Слова, но, чрезъ освященіе Словомъ Божіимъ и молитвою (Тим. 4, 5) прямо претворяется *μεταποιούμενος* ¹⁾ въ Тѣло Слова, какъ сказано Словомъ: „Сіе есть тѣло Мое ²⁾“. Мысль св. отца очевидна: Евхаристическій хлѣбъ прелагается и именно пресуществуется въ тѣло и кровь Спасителя, подобно тому какъ во время земной жизни простой хлѣбъ прелагался въ Его тѣло и чрезъ это тѣло обожествился и сталъ истиннымъ тѣломъ Спасителя, вознесшагося на небо и сѣнящаго одесную Бога Отца. И въ томъ и въ другомъ случаѣ св. отецъ предложеніе выражаетъ терминомъ *μεταποίησις*, такъ что и въ отношеніи терминологіи не дѣлаетъ различія между первымъ и вторымъ предложеніемъ ³⁾. У св. Григорія Нисскаго затрогивается еще одинъ очень важный вопросъ относительно пресуществленія: почему въ Евхаристіи мы видимъ хлѣбъ, а не плоть (*σάρξ*)? Св. отецъ объясняетъ это милосердіемъ и снисхожденіемъ Бога къ помощи человѣческой, ибо въ противномъ случаѣ видъ плоти могъ бы возбудить у человѣка чувства страха и ужаса. Въ этомъ, а не въ чемъ либо другомъ, заключается причина, почему евхаристическіе элементы сохраняютъ свой натуральный видъ. Замѣчаніе очень важное и сильно говорящее въ пользу вѣры св. Гр. Нисскаго въ пресуществленіе.

¹⁾ Ср. Θεοδωρα Γερακλίησκου „Сіе есть, сказалъ Христосъ, тѣло Мое и сія — кровь, дабы ты не получать, что они суть только образъ, но что хлѣбъ есть самое тѣло Господне, а вино — кровь, претворяемые (*μεταποιούμενον*) въ плоть и кровь нашего Господа неизреченнымъ дѣйствіемъ Св. Духа. (Т. Matth. XXVI, 26. Цит. изъ Макара. стр. 304).

²⁾ *Ἐνταῦθα τε (ἐκ ἐύχερ.) ὡσαύτως ὁ ἄρτος, καθὼς φησιν, ὁ ἀπόστολος, ἀγιάζεται διὰ λόγον Θεοῦ καὶ ἐντελέξιας, οὐ διὰ τῶσως καὶ βρώσεως προίῳν εἰς τὸ σῶμα τοῦ λόγου, ἀλλ' εὐθὺς πρὸς τὸ σῶμα τοῦ λόγου μεταποιούμενος, καθὼς εἴρηται ἀπὸ τοῦ λόγου ὅτι τοῦτο ἐστὶ τὸ σῶμα μοι* (Orat. Catech. 37).

³⁾ У Св. Григ. Нисскаго встрѣчается и другой терминъ, выражающій предложеніе—*μεταστοιχείωσις*. Уже употребленіе этого слова сильно говоритъ за вѣру Грег. въ пресуществленіе, потому что *μεταστοιχ.* почти = *μετο-*

Менѣе опредѣленно, чѣмъ Григорій Нисскій, но всетаки съ достаточною ясностью, учить о пресуществленіи и св. Кирилъ Іерусалимскій ¹⁾. Въ таинствѣ Евхаристіи, говорить онъ, „подъ образомъ (*ἐν τύπῳ*) ²⁾ хлѣба дается тебѣ

¹⁾ Ученіе Кирилла Іерус. о таинствѣ Евхаристіи изложено въ 4 и 5 Тайноводствен. словахъ. См. ихъ въ греч. подл. Греч. Христом. Ловягина. Ч. I, СПб. 1884, стр. 204—214. Въ русск. пер.: „Огласительныя и тайноводственныя поученія К. І. въ русскомъ переводѣ. Москва. 1823 г. Изд. 3. стр. 454—468.

²⁾ Прим. Здѣсь считася необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу терминовъ *τύπος*, *τύπος*, *figura*, *imago*, которые такъ часто встрѣчаются у св. отцовъ въ приложеніи къ таинству Евхаристіи и которые съ такою настойчивостью толкуются протестантами въ свою пользу. Вотъ обычный способъ ихъ аргументаціи. На языкѣ святи. Писанія слова тѣла, образъ обозначаютъ не самый предметъ, а пѣчто подобное ему, напоминающее его нѣкоторыми своими чертами. Такъ агнецъ пасхальный предъизображалъ Агнца, закланнаго за мѣръ, на самомъ дѣлѣ не будучи имъ; потому прообразовалъ крещеніе, не будучи крещеніемъ и т. п. Отсюда, заключаютъ протестанты, и у отцовъ хлѣбъ и вино въ Евхаристіи, называются *τύπος*, *τύπος* и др. лишь только въ смыслѣ образовъ, символовъ голгоуской жертвы, но не въ смыслѣ самаго, реальнаго, тѣла и крови Христа.

Относительно такого мнѣнія протестантовъ мы должны замѣтить, что, оно, во первыхъ, погрѣшаетъ въ самомъ принципѣ, а, во вторыхъ, не находитъ себѣ оправданія и въ твореніяхъ свв. отцовъ. Принципъ его погрѣшаетъ тѣмъ, что на языкѣ святи. Пис. *τύπος*, *τύπος* etc. всегда указываютъ на будущее и никогда — на прошедшее. Съ писаніемъ въ этомъ отношеніи вполнѣ согласно и преданіе. Такъ, св. Дамаскинъ, наравнѣ съ другими, называетъ таинство тѣла и крови Христовой *τύπος* (но не *τύπος*—прошлаго, а *τύπος*—будущихъ, причѣмъ объясняетъ эти слова такимъ образомъ: „образами же будущихъ (хлѣбъ и вино) называются не потому, что они не суть истиннѣ тѣло и кровь Христа, но потому, что теперь, конечно, чрезъ нихъ мы дѣлаемся участниками божества Христова, а тогда—духовнымъ образомъ чрезъ одно только лицезрѣніе“ (Точн. излож. кн. IV, гл. 13, 17). Протестанты же думаютъ какъ разъ наоборотъ

Далѣе, свв. отцы, прилагая вышепоименованныя выраженія къ таинству Евхаристіи, объясняли обыкновенно, въ какомъ смыслѣ они ихъ употребляли. Дамаскинъ, согласно съ отцами VI всел. собора, говоритъ, что „если нѣкоторые называли хлѣбъ и вино образами (*τύπος*) тѣла и крови Господа, подобно богоносному Василию, то сказали (о хлѣбѣ и винѣ) не по слѣ ихъ освященія, но прежде освященія, назвавъ такъ самое приношеніе“ (Точн. излож. кн. IV, гл. 31, 14). Относительно Василія Великаго соображеніе св. І. Дамаскина совершенно справедливо. Но мы знаемъ многихъ отцовъ, которые употребляли выраженіе *τύπος* по отношенію къ свв. дарамъ и по ихъ предложенію, напр. Діонис. Арсенаг. (Небесн. іерарх.

тѣло, а подъ образомъ вина дается тебѣ кровь, чтобы приобщившись тѣла Христова и крови Христовой сдѣлался ты стѣлеснымъ и скровнымъ (*σώσωμος καὶ σκράμιος*) Христу“. Поэтому-то, продолжаетъ далѣе Кирилль, „мы и дѣлаемся христоносцами, что тѣло и кровь Христовы сообщаются нашимъ членамъ ¹⁾“. Хлѣбъ и вино дѣлаются тѣломъ и кровью Христа путемъ преложенія (*μεταβολῆ*). Какъ въ Канѣ Галилейской Господь нѣкогда претворилъ воду въ вино, сходное съ кровію ²⁾, такъ и на литургіи во время молитвы ко св. Духу, чтобы Онъ сотворилъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою, евхаристическіе элементы—хлѣбъ и вино — освящаются и прелагаются ³⁾ *ἤγιαται καὶ*

гл. 3), Макаръ Египетск. (Homil. 27), Григоръ Назіанзенъ (oratio in Gorgopiam), блаж. Феодоритъ (Dialog. I) и мн. Въ виду этого, но отвергая вполнѣ объясненія I. Дамаск., мы обратимъ вниманіе на соображеніе Иларія Пуугьскаго и бл. Августина, которые тоже затрогивали этотъ вопросъ.

По мнѣнію перваго, хлѣбъ и вино figura (образъ) поскольку они подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, veritas же по сколько мы признаемъ въ Евхаристіи тѣло и кровь Христа. Почти буквально эти слова повторяются и у Августина. (О нихъ см. у Виссар. De verbis consecrationis. Migne. t. 160. p. 500—501). Слова Иларія и Августина вѣрно выражаютъ смыслъ церковнаго ученія, по которому въ Евхаристіи подъ символами хлѣба и вина преподаются истинныя тѣло и кровь Спасителя, хотя хлѣбъ и вино сохраняютъ свой естественный видъ. (Ср. Амвр. Мед., Кир. Іерус., Григ. Цесск. и Іоаннъ Злат.—о нихъ ниже). При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: говоря, что въ Евхаристіи подъ образомъ . . . отцы всегда почти добавляли, что Евхаристія не образъ тѣла и крови Христа, но самая кровь и тѣло. Какъ смотрѣть на это ихъ добавленіе? Очевидно, какъ на предостереженіе, чтобы не поняли превратно ихъ первую мысль. Но спрашивается: почему же они выраженіе „подъ образомъ“ . . . не старались замѣнить другимъ, болѣе точнымъ и опредѣленнымъ? Потому, что иначе трудно было выразить смыслъ церковнаго ученія. Въ силу этого мы видимъ, что и у позднѣйшихъ писателей (Гевнадія Сходарія, Мелетія Цигаса etc.) и въ настоящее время, когда пресуществленіе признается и терминологія строго установлена, употребляется выраженіе: „подъ образомъ“. . . И между тѣмъ, основываясь на этомъ, я думаю, никому не придетъ въ голову отрицать у православныхъ ученіе о пресуществленіи.

¹⁾ Ср. Ефр. Сирина: „Тѣло Господа новымъ способомъ соединяется съ нашими тѣлами, и чистѣйшая кровь Его вливается въ наши жилы: весь Онъ всеяется во всѣхъ насъ по благоусти своей“ (Ephr. Syropp Praes. T. III, p. 424. Ed. Assemani. Rom. 1746 г. Цит. изъ Макара. 1851 г. стр. 307).

²⁾ Тайнов. 4.

³⁾ 5 тайн. Ср. Софрон. Іерусал.: „Пусть никто не думаетъ, будто ова-

μεταβιβληται). Не должно смущаться тѣмъ, что хлѣбъ и вино сохраниютъ свой естественный видъ и вкусъ: „но по вкусу должно разсуждать о вещи, но вѣрою принимать, что ты сподобился тѣла и крови Христовой¹⁾“.—Ученіе Кирилла ясно и опредѣленно. Особенно сравненіе евхаристическаго преложенія съ претвореніемъ воды въ вино и увѣреніе, что естественный вкусъ хлѣба и вина—это лишь только фикція нашихъ чувствъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы ѣдимъ дѣйствительное тѣло и кровь—слишкомъ сильно говорятъ за вѣру Кирилла въ пресуществованіе. Не малаго вниманія заслуживаютъ также и слова его: „такимъ образомъ, мы дѣлаемся христоносцами, когда тѣло и кровь Его сообщается нашимъ членамъ“ (разумѣется, путемъ чистаго, всецѣлаго уподобленія, такъ какъ Кириллъ, наравнѣ съ Григоріемъ Нисскимъ и I. Дамаскинымъ, учитъ, что евхаристическіе элементы съ принятіемъ внутрь не испытываютъ судьбу остальной пищи, но прямо переходятъ въ составъ нашего тѣла и крови²⁾). Эти слова Кириллъ могъ произнести, лишь только признавая за хлѣбомъ и виномъ значеніе реальнаго тѣла и крови Христовой, Въ противномъ случаѣ, т. е. уча, согласно съ протестантами, что хлѣбъ и вино бываютъ тѣломъ Христа (не путемъ преложенія, а путемъ едженія съ ипостаснымъ Христомъ) лишь въ моментъ принятія ихъ—ни прежде, ни послѣ—Св. Кириллъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы назвать человѣка *σώματος* и *συναίματος* и утверждать, что тѣло и кровь Христа сообщаются нашимъ членамъ. Да потомъ, если Кириллъ Іерусалимскій смотрѣлъ на евхаристическіе хлѣбъ и вино лишь какъ на простые символы, то зачѣмъ ему особенно настаивать на томъ, что они остаются въ тѣлѣ. Человѣкъ принявъ съ ними ипостаснаго Христа—и достаточно; хлѣбъ же и вино, какъ простые символы или посредники этого принятія, исполнивъ свое назначеніе, могутъ испытывать судьбу остальной пищи.

тая сія суть образы (*ἀντίτυπα*) тѣла и крови Христовой, но да вѣруетъ, что предлагаемые хлѣбъ и вино предлагаются въ тѣло и кровь Христа (*ἐλλὰ τὸν ἄρτον καὶ τὸν οἶνον πιστεύεται προσφερθῆναι μετὰβιβληθαι εἰς σῶμα καὶ αἷμα Χριστοῦ*). In. Mai Specileg. Rom. T. IV, p. 33 (Цят. изъ догм. Макара. 1851 г. стр. 300).

1) 4 тайнов. сл.

2) 5 тайнов. сл.

Если же Кирилль настаиваетъ на всецѣломъ унодобленіи евхаристическихъ элементовъ тѣлу и крови человѣка, то, очевидно, смотреть на нихъ, какъ на истинныя тѣло и кровь Христа, которыя, разливаясь по всему тѣлу, освящаютъ человѣка и дѣлаютъ его причастникомъ божественной сущности.

За Григоріемъ Нисскимъ и Кирилломъ Іерусалимскимъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ св. Іоанъ Златоустъ. У Златоуста мы находимъ подробные комментаріи на всѣ мѣста Новаго Завѣта, гдѣ трактуется объ Евхаристіи, другими словами: встрѣчаемъ полное толкованіе библейскихъ воззрѣній на это таинство. Сюда можно отнести 82 бесѣду на Матѳея, 46 и 47 бес. на Евангеліе Іоанна и 24 бес. на первое посланіе къ Коринтеянамъ, не считая массы мелкихъ свидѣтельствъ, гдѣ онъ такъ или иначе затрогиваетъ вопросъ объ Евхаристіи. При такомъ обиліи матеріала у Златоуста можно, конечно, найти достаточное количество свидѣтельствъ въ пользу пресуществленія свв. Даровъ. Поставить ученіе Златоуста о пресуществленіи въ связь со всѣмъ вообще его ученіемъ о таинствѣ Евхаристіи, въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности, такъ какъ для этого потребовалось бы отдѣльное специальное изслѣдованіе ¹⁾. Мы ограничимся отдѣльными выдержками изъ твореній св. Отца и ихъ толкованіемъ.

Вотъ мѣста изъ твореній св. Іоанна Златоуста, которыя, по нашему мнѣнію, говорятъ въ пользу его ученія о пресуществленіи свв. Даровъ: 1) Въ 82 бес. на Матѳея, обличая современниковъ, которые говорили: „какъ желательно было бы видѣть лице Христа, образъ, одежду, сапоги!“ Златоустъ разъясняетъ, что и теперь всякій вѣрующій можетъ видѣть Христа и не только видѣть, но и осязать: „вотъ ты видишь Его, — говоритъ св. отецъ, — прикасаешься къ Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видѣть одежды Его, а Онъ даетъ Себя не только видѣть (*ὄψα ἰδεῖν ὑμῶν*), но и касаться и вкушать (*ἀλλὰ καὶ ἅψασθαι καὶ φαγεῖν*) и припи-

¹⁾ Задача эта выполнена г. Кривошеинымъ (См. его статью въ Христ. чт. за 1896 г. т. I). Его изслѣдованіемъ главнымъ образомъ руководствовались и мы, при изложеніи ученія св. Іоанна Злат. о пресуществленіи свв. Даровъ.

мать внутрь (*καὶ λαβεῖν ἕρδον*) ¹⁾«. Обратимъ здѣсь прежде всего вниманіе на слѣдующее. Златоустъ говоритъ, что въ таинствѣ евхаристіи вѣрующій можетъ видѣть Христа и прикасаться къ Нему подобно тому, какъ онъ прикасался бы, если бы жилъ во время земной жизни Спасителя. Слова эти св. Златоустъ могъ произнести, очевидно, признавая въ евхаристическомъ хлѣбѣ и винѣ лишь истинное тѣло и кровь Христа. Иначе, т. е. смотря на Евхаристію съ символической точки зрѣнія, ни въ коемъ случаѣ нельзя выразиться, что вѣрующій касается Христа: онъ можетъ созерцать Его вѣрою, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не касаться. Но если евхаристическіе хлѣбъ и вино — Христось, то, спрашивается, какимъ образомъ это можетъ быть? На это одинъ отвѣтъ: путемъ предложенія, пресуществленія одной природы въ другую. 2) Въ той же самой бесѣдѣ, объясняя 26 ст. 28-ой главы, Златоустъ говоритъ... „И Самъ Онъ (Христось) пилъ отъ нея (чаши). Ибо, дабы услышавъ это (сіе есть...), они не сказали: что? Кровь мы пьемъ и плоть ѣдимъ? и не смутились бы тогда (потому что, когда онъ завелъ рѣчь объ этомъ, многіе соблазнились относительно сихъ словъ)—итакъ, что-бы они и тогда не возмутились, онъ впервые сдѣлалъ это, приглашая ихъ небоязненно къ общенію таинствъ. Посему Онъ пилъ Свою собственную кровь ²⁾«.—Ученики Христа, по мысли Златоуста, попили слова Христа въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ реального вкушенія плоти и реального питья крови. При этомъ они, конечно, могли смутиться и поступить, подобно Іудеямъ въ VI гл. Іоанна. Въ предупрежденіе подобнаго явленія Иисусъ Христось, нисколько не разубѣждая апостоловъ въ ихъ мысли, самолично подастъ имъ примѣръ яденія и питія Его собственной плоти и крови. Но опять-таки, если ученики причащались истиннаго тѣла и крови

¹⁾ Sanct. Ioann. Chrysost. Opera, t. VII, p. 2, in Matth. homil. 82, n. 1, col. 743. Ср. изъ того же Златоуста: они (вохвы) увидѣли Христа въ ясляхъ и въ вертепѣ и ничего такого не видѣли, что ты теперь видишь, и однакожь подошли съ великимъ трепетомъ, а ты видяшь Его не въ ясляхъ, но на жертвенникѣ...., не просто видяшь сіе самое тѣло какъ они, но и знаешь силу и все домостроительство спасенія нашего (На 1 Кор. Все. XXV, 5).

²⁾ S. I. Chrysost. Op. t. VII, p. 2 in Matth. hom. 82, n. 1, col. 738—739.

Спасителя, то получаться эти послѣднія могли не иначе, какъ путемъ преложенія, пресуществленія. Такъ какъ фактически кровь Спасителя была излита за грѣхи міра лишь на крестѣ, то въ данномъ случаѣ она, очевидно, была образована изъ вина всемогущею силою Тайноучредителя и была принята Имъ въ свое единеніе, послѣ чего и стало возможнымъ самое причащеніе. Тоже самое приложимо и къ плоти—хлѣбу. 3) Что было съ Свв. Апостолами, то, по мнѣнію св. І. Златоуста, бываетъ и съ каждымъ изъ насъ: каждый вѣрующій пьетъ истинную Кровь Спасителя и ѣстъ истинное тѣло Его. „Помысли, какой чести удостоенъ ты, какую наслаждаешься трапезою!“ говоритъ св. отецъ, обращаясь къ христіанину,—„на что съ трепетомъ взирають ангелы, и не смѣютъ воззрѣть безъ страха, по причинѣ исходящаго отсюда сіянія, тѣмъ мы питаемся, съ тѣмъ сообщаемся и дѣлаемся однимъ тѣломъ и одною кровію со Христомъ... Какой пастырь питаетъ овецъ собственными членами? Но что я говорю—пастырь? Часто бываютъ такія матери, которыя новорожденныхъ младенцевъ отдають кормилицамъ. Но Христосъ не потерпѣлъ сего. Онъ питаетъ насъ Своею кровію и чрезъ сіе соединяетъ насъ съ Собою ¹⁾“.—Эти слова св. отца ни въ какомъ случаѣ нельзя понять въ смыслѣ духовнаго только привлія Христа. Противъ этого съ очевидностью говоритъ приведенный примѣръ питанія младенцевъ. Христосъ истинно питаетъ насъ своими собственными членами, Своею плотію и кровію, именно въ таинствѣ Евхаристіи, почему мы и должны стремиться къ сей „священной трапезѣ и къ сосуду духовной чаши“, чтобы соединиться со Христомъ.

Такихъ мѣстъ изъ твореній Св. Іоанна Златоуста можно было бы привести цѣлыя десятки, но такъ какъ это было бы лишь повтореніемъ вышесказаннаго, то мы ограничимся представленными тремя. Возможность преложенія евхаристическихъ элементовъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спа-

1) Еще рѣшительнѣй высказывается св. Златоустъ въ другомъ мѣстѣ (46 бес. на Іоанна): „Христосъ, говоритъ онъ, вводя васъ въ большее содружество съ Собою и показывая Свою любовь къ намъ, представилъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и ѣсть и вонзять зубы въ плоть и соединяться“...

сителя заключается, по Златоусту, во всемогуществѣ Божиѣмъ. „Тотъ, кто сотворилъ ихъ на оной вечери, говоритъ онъ, совершаетъ ихъ и теперь. Мы замѣняемъ мѣсто слугъ; освящаетъ же и претворяетъ (*ἀγιάζων δε καὶ μετακεννάζων*) дары—Самъ Христосъ ¹⁾“. Или въ другомъ мѣстѣ: „не человѣкъ дѣлаетъ, что предложенное становится тѣломъ Христа и кровію Христа, но Самъ распятый за насъ Христосъ! Іерей, выполняя обрядъ, стоитъ и произноситъ оныя слова, сила же и благодать отъ Бога. Сіе есть тѣло Мое, говоритъ. Сіе слово измѣняетъ предложенное (*μεταρροθμιζεί*)“ ²⁾.

Обычными терминами, выражающими способъ преложения евхаристическихъ элементовъ, у Златоуста являются *μετακεννάζεσθαι* и *μεταρροθμιζέσθαι* (пересооружать, передѣлывать, перемѣнять, удалять). Изъ того, что мы сказали о вѣрѣ Златоуста въ реальное присутствіе Христа въ Евхаристіи, очевидно, что *μετακ.* и *μεταρρ.* у него имѣютъ то же самое значеніе, что и позднѣйшее *μετουσίωσις*.

Св. Іоаннъ Златоустъ не избѣгъ участи другихъ отцовъ церкви. Его, даже болѣе, чѣмъ кого-либо другого, протестанты цитируютъ въ свою пользу. Но всѣ ссылки ихъ на Златоуста, насколько можно судить по Petr'у Martyr'у ³⁾, крайне натянуты и основываются, обыкновенно, на отдѣльныхъ изреченіяхъ Златоуста, которыя берутся и толкуются безъ отношенія къ остальнымъ его мыслямъ. Опровергать ихъ—значить на разные лады повторять только что изложенное нами. Одно только возраженіе протестантовъ представляетъ значительную важность. Это—письмо Златоуста къ Цезарію монаху, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „хлѣбъ по освященіи уже свободенъ отъ наименованія хлѣбомъ, но сталъ достоинъ имени тѣла Господа, хотя натура (*φύσις*) хлѣба въ немъ и осталась, и мы проповѣдуемъ не два тѣла, но одно тѣло Сына ⁴⁾“. Рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ выраженіе: *etiam si natura*

1) Т. VII, Homil. in Matth 87, n. 6, col. 743—744.

2) Т. II. De proditiōe Iudae, hom. 1, col. 382.

3) Petr. Martyr Vermulius. Objectiones contra Gardinerum. Object. 179 et sqq, числомъ 9. Образчикъ новѣйшаго тенденціознаго толкованія Златоуста по вопросу о пресуществленіи со стороны протестантовъ (Эбрардъ) приведенъ у Кириллова. См. Христ. Чтен. 1896 г. т. I, стр. 35.

4) Op. t. III, Epist. ad Caesarium monachum, col. 758—759.

panis in ipso permanet. Не отрицая подлинности этого письма, хотя она нѣкоторыми не признается ¹⁾, мы постараемся объяснить спорное мѣсто. „Слово *φύσις* у грековъ обозначаетъ не только естественное качество, природу, сущность, но и свойство, положеніе, видъ, — короче: это слово можетъ употребляться не только въ приложеніи къ субстанціи, но и къ ви́шнему виду, почему и все мѣсто можетъ получать такой смыслъ: хлѣбъ, по освященіи Божіею благодатію, дѣлается тѣломъ Христа, хотя наружный видъ его и удерживается—взглядъ насколько православный, настолько же не противорѣчащій другимъ мѣстамъ изъ твореній того же Іоанна Златоуста. Замѣчательно въ этомъ случаѣ дальнѣйшее прибавленіе: не два тѣла, но одно тѣло Сына мы проповѣдуемъ, т. е. претворенный благодатію Божіею хлѣбъ образуетъ не новое какое-либо тѣло Христа, по составляетъ то же самое, которое Онъ пріялъ отъ Св. Дѣвы Маріи“ ²⁾.

Отъ отцовъ и учителей церкви восточной мы перейдемъ теперь къ отцамъ и учителямъ церкви западной, при чемъ остановимъ свое преимущественное вниманіе на трехъ изъ нихъ: Св. Амвросіѣ Медиоланскомъ, блаж. Августинѣ и св. Григоріѣ Великомъ, иначе, Двоесловѣ, которые болѣе или менѣе обстоятельно раскрывали вопросъ объ Евхаристіи вообще и пресуществленіи Свв. Даровъ—въ частности.

Св. Амвросій ³⁾ задаетъ вопросъ: какимъ образомъ можетъ быть, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи дѣлаются тѣломъ и кровію Христа? II на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: силою священническаго благословенія, ибо „благословеніе имѣетъ большую силу, чѣмъ природа, такъ какъ благословеніемъ и самая природа измѣняется (*mutatur*)“⁴⁾. Приведши затѣмъ довольно многочисленныя примѣры этого измѣненія природы, св. отецъ продолжаетъ: „если человѣ-

¹⁾ Bellarm. t. III, lib. 3, cap. XX, pag. 278.

²⁾ Объясненіе г. Кириллова.

³⁾ Ученіе Амвросія о таинствѣ Евхаристіи изложено главнымъ образомъ въ *Lib. De Mysteriorum*, с. 9 и *De Sacrament. Lib. IV*, с. 3, 4, 5. (оба сочиненія см. *S. Ambrosii Mediolanensis Opera. Edit. monachorum Ordinis S. Benedictii. Venetiis 1781 г.*). Встрѣчаются небольшія замѣтки объ Евхаристіи и въ другихъ мѣстахъ его сочиненій, напр. *Lib. de Fide IV*, 10. Толкъ на пс. 43, но они не имѣютъ для насъ особенной важности.

ческое благословеніе имѣло такую силу, чтобы превращать (converteret) природу, то что скажемъ мы о благословеніи Божіемъ, гдѣ оныя самыя слова Господа дѣйствуютъ? Ибо таинство это, которое ты принимаешь, совершается словами Господа. Если по слову Или огонь спалъ съ неба, то развѣ рѣчь Христа не настолько сильна, чтобы переимѣнить и самый видъ элементовъ (*species mutet elementorum*)¹. И немного ниже: „не меньшее дѣло дать новыя природы вещамъ (хлѣбу природу тѣла), чѣмъ переимѣнить природу (*mutare naturam*). — Такъ разсуждаетъ св. Амвросій въ книгѣ *De Mysteriis* (с. 9). Въ книгѣ же *De sacramento* онъ прибавляетъ кое-что и новое. Именно: что таинство совершается Самимъ Христомъ; священникъ же — только служитель¹). Священникъ произноситъ слова, Господь же производитъ *ut sint, quae erant et in aliud commutentur*²). Если же мы самой крови не видимъ, то это потому, чтобы насъ не обуялъ ужасъ при видѣ самой крови (*ut nullus horror sanguinis fit*³). — Ученіе Амвросія о пресуществленіи настолько опредѣленно, что не требуетъ и разъясненія. Да къ тому же онъ изображаетъ пресуществленіе въ такихъ чертахъ, которыя мы подвергали болѣе подробному изслѣдованію при изложеніи ученія Кирилла Іерусалимскаго и Григорія Нисскаго. Примѣры превращенія жезла въ змія и обратно, воды въ кровь и др., приводимые у Амвросія, это то же, что примѣръ претворенія воды въ вино, встрѣчающійся у Кирилла Іерусалимскаго; а замѣчаніе Амвросія о причинѣ, почему сохраняется видъ вина, есть ничто иное, какъ повтореніе словъ Григорія Нисскаго, о чемъ была рѣчь въ свое время.

У блаж. Августина нѣтъ, подобнаго Амвросію, спеціального трактата объ Евхаристіи. Его свидѣтельства объ этомъ таинствѣ, правда довольно многочисленныя, представляютъ видъ отдѣльныхъ замѣтокъ⁴). Изъ нихъ, конечно, мы остановимъ свое вниманіе лишь только на важнѣйшихъ

1) Ср. Злат. (См. стр. 89 наш. соч.).

2) Ср. Амвросія же *De fide*, 10, п. 124. „Мы всякій разъ, когда принимаемъ тайны, которыя чрезъ таинство священной молитвы преобразуются (*transfigurantur*) въ плоть и кровь, возвѣщаемъ смерть Господню“

3) Ср. Григ. Нисск. и Кир. Іер.

4) Сводъ ихъ см. у Bellarm. t III, lib. II, с. XXIV pag. 280—281.

и наиболѣе говорящихъ въ пользу пресуществленія. Первое мѣсто, безъ сомнѣнія, здѣсь нужно отвести замѣткѣ, находящейся *In Lib. III. De Trinitate, c. 10* ¹⁾. Здѣсь блаж. Августинъ разсуждаетъ о видахъ, подъ которыми являлись въ ветхонъ завѣтѣ Богъ и ангелы. Въ примѣрѣ того, что, хотя мы не знаемъ, какимъ образомъ творились эти виды и однакоже, не сомнѣваясь, вѣримъ, что посредствомъ нихъ дѣйствительно являлись Богъ и ангелы, блаж. Августинъ беретъ Евхаристію. Младенцы, говоритъ онъ, приступая къ таинству не знаютъ самолично (*experimento suo*), что предлагается на алтаряхъ и чѣмъ былъ хлѣбъ до и послѣ освященія, и однако, слѣдуя авторитету старшихъ, поистинѣ вѣрують, что въ этомъ таинствѣ видимымъ образомъ является Господь (*in illa specie Dominus oculis apparuisse et de latere tali percusso liquorem illum omnino fluxisse*).—Въ этихъ словахъ Августина, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее. Во-первыхъ, младенцы, когда имъ, указывая на хлѣбъ и вино, говорятъ, что это тѣло и кровь Христа, понимаютъ, безъ сомнѣнія, слова старшихъ въ буквальномъ смыслѣ; во-вторыхъ, блаж. Августинъ не говоритъ, что младенцы заблуждаются въ своемъ взглядѣ на хлѣбъ и вино, и не опровергаетъ взгляда старшихъ на это таинство, слѣдов. онъ смотритъ на ихъ вѣру, какъ на вѣру истинную, правую.—О реальномъ же явленіи Христа въ таинствѣ Евхаристіи Августинъ говоритъ еще въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ: а) *in Libro 2 Contra adversarium legis et Profetarum, c. 9*: мы принимаемъ, говоритъ онъ здѣсь, для иденія плоть и для питія кровь Ходатая Бога и человѣковъ человѣка Христа Иисуса, „хотя ѣсть человѣческую плоть кажется болѣе страшнымъ, чѣмъ убивать, и (болѣе страшнымъ) пить человѣческую кровь, чѣмъ проливать; в) *In Epist. 44 ad Maximum* на насмѣшку Максима, будто христіане вѣрують, что въ сокровенныхъ мѣстахъ они видятъ своего Бога, Августинъ отвѣтилъ молчаніемъ, признавая всю силу и основательность его словъ ²⁾. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ Августинъ, очевидно, разумѣлъ подъ хлѣбомъ и виномъ подлинное

¹⁾ См. *Patrol. Migne. Seria Latin. t. VIII.*

²⁾ Оба эти мѣста см. у Bellarm. *t. III, l. II, c. XLIV, p. 290, 281.*

реальное тѣло и кровь Христа; о реальномъ только тѣлѣ можно сказать, что его страшнѣе ѣсть, чѣмъ убивать; о реальномъ видѣннн Бога говорилъ, безъ сомнѣнн, и Максимъ, иначе насмѣшка его потеряла бы всякій смыслъ.

Наконецъ, въ твореннхъ блаж. Августина есть одно мѣсто, гдѣ онъ дѣлаетъ строгое различе между внѣшнимъ видомъ евхаристическаго хлѣба и вина и ихъ внутренней стороной, сущностью; въ то время какъ первый (т. е. внѣшнн видъ) подлежитъ воспрннн нашихъ чувствъ, сущность перемѣняется въ тѣло и кровь. Мы намекали на эти слова блаж. Августина, теперь приведемъ ихъ буквально: „Christi corpus, говоритъ блаж. Августинъ, et veritas et figura est: veritas quidem, in quantum virtute spiritus ex substantia panis et vini corpus officitur; figura vero est illud, quod exterioribus sensibus subjaceat“ ¹⁾.

Наглядное доказательство вѣры Западной Церкви VII в. въ пресуществлене мы имѣемъ въ жизнеописаннхъ св. Григорія Великаго, составленныхъ Павломъ Діакономъ и Иоанномъ Діакономъ. Первый изъ нихъ передастъ слѣдующій случай изъ жизни св. Григорія Великаго.

Знатная Римская женщина, согласно данному обѣту, приготавливала облатки (oblationes) для Евхаристн и кажды

---

¹⁾ Отвѣтъ за подлинность этихъ словъ Августина мы полагаемъ на Виссаріона Никейскаго, у котораго ихъ заимствовали (см. его „de verbis consecrationis“ Patr. Migne+100, pag. 499). Считаемо умѣстнымъ здѣсь сравнить съ этимъ свидѣтельствомъ блаж. Августина свидѣтельства еще двухъ Западныхъ писателей, которые менѣе извѣстны, чѣмъ блаж. Августинъ, но свидѣтельства которыхъ въ пользу пресуществленн еще болѣе определенны. Это—уже извѣстный намъ Евсевій Эмиссенскій и Ремигій (VI в.). Одну выдержку изъ сочиненн, приписываемаго Евс. Эмиссенскому мы уже приводили, приведемъ теперь другую: „Когда, говор. Евс. Эмисс., когда полагаются на алтарнхъ творенн, ичѣющн быть благословенными небесными словами, прежде чѣмъ освятятся призваннемъ высочайшаго имени, въ нихъ—субстанціа хлѣба и вина; послѣ же словъ Христа—кровь и тѣло Христа. Что удивительнаго, если то, что Онъ (Богъ) могъ сотворить словомъ, можетъ перемѣнить (converteri)? Безъ сомнѣнн, меньшее чудо перемѣнить (commutare) въ другое то, что сотворено. (Bell. t. III, l. II, с. XXX, р. 281). Слова Ремигія: „Плоть, которую воспрннало слово Бога Отца во чревѣ дѣвическомъ въ единенн своей Ипостасн и хлѣбъ, который освящается въ церкви,—одно и то же тѣло, какъ она плотъ (caro) — тѣло (corpus) Христа, такъ и этотъ хлѣбъ переходитъ (transit) въ тѣло Христа и не суть два тѣла, но одно тѣло“ (Bellarm. t. III, l. II, с. XXXI, р. 281).

воскресный день приносила ихъ въ храмъ. Однажды во время причащенія, когда папа, подавая ей тѣло Христова, сказалъ: *Corpus Domini Iesu Christi prosit tibi in remissionem omnium peccatorum et vitam aeternam*—женщина усмѣхнулась. Это удивило папу, и онъ, не переставая причащать остальныхъ, приказалъ отвести женщину въ сторону, а частицу даровъ отложилъ особо. По окончаніи службы папа обратился къ женщинѣ съ вопросомъ: почему она засмѣялась. Та долго отмалчивалась, но наконецъ сказала: я узнала ту облатку, которую приготовляла своими руками и поэтому мнѣ страннымъ показалось, когда ты назвалъ ее тѣломъ Господнимъ. Услышавъ такой отвѣтъ, св. Григорій, пригласивъ всѣхъ присутствовавшихъ, обратился къ Богу съ молитвой, чтобы Онъ для вразумленія заблуждающейся и для укрѣпленія въ вѣрѣ предстоящихъ, на самомъ дѣлѣ, для чувственнаго взора показалъ хлѣбъ плотію. И что же? Когда по окончаніи молитвы онъ отдернулъ паллій (*palliam*), которымъ прикрывались дары, то глазамъ всѣхъ представилась живая источающая кровь частица тѣла. Всѣ были поражены. Доказавъ возможность пресуществленія, Григорій снова помолился Богу и, когда частица хлѣба приняла свой нормальный видъ, причастилъ ею женщину. Замѣчательны слова, которыя сказалъ въ данномъ случаѣ Григорій невѣровавшей женщинѣ: „научись вѣрить истинѣ, уже засвидѣтельствовавшей: хлѣбъ, который Я дамъ, плоть Моя есть, и кровь Моя истинное есть питіе (Іоанн. 6, 51). Творецъ нашъ, зная напередъ немощь нашу, тою же силою, которою все сотворилъ изъ ничего и тѣло изъ плоти Приснодѣвны дѣйствіемъ св. Духа образовалъ: хлѣбъ и вино, съ водою смѣшанное, въ то время какъ свойственный имъ видъ остается, претворяетъ (*convertit*) въ плоть и кровь Свою по молитвѣ каолической священнодѣйствіемъ Духа Святаго“¹⁾.

Приведенный случай изъ жизни св. Григорія Двоеслова настолько ясно говоритъ въ пользу пресуществленія, что даже издатель твореній св. Григ. Двоеслова нашелъ нужнымъ замѣтить объ этомъ въ подстрочномъ примѣчаніи: *hic*

¹⁾ S. Gregorii Papae Opera Omnia t. XV. S. Gregorū Papae Vita per Paulum Diaconum. p. 258 — 259; ср. *ibid.* 303 — 304. Venetis. 1775. Edit. monach. Ordin. Sancti Benedicti.

habes Transsubstantiationis dogma. II въ самомъ дѣлѣ, будемъ ли признавать историческую дѣйствительность разсказаннаго случая, или считать его выдумкой жизнеописателя, или созданиемъ благочестивой фантазiи вѣрующихъ—доказательность и значенiе его отъ этого нисколько не уменьшаются. Жизнеописанiе составлено въ VII или VIII в. ¹⁾. Разсказанный случай передается авторомъ съ несомнѣнной вѣрой въ его дѣйствительность; невѣрующая женщина является исключенiемъ среди другихъ, которые, очевидно, принимали тѣло и кровь Христа съ вѣрою въ ихъ реальность; народъ молится, наравнѣ съ Григорiемъ, о вразумленiи заблуждающейся,—все это съ несомнѣнностью говоритъ въ пользу того, что вѣра въ пресуществленiе была господствующей въ Римской Церкви VII—VIII вв.—Если мы обратимся къ самымъ творенiямъ Григорiя Двоеслова, то и тамъ найдемъ прекрасное подтвержденiе словъ, сказанныхъ имъ невѣрующей женщиной. Такъ въ 22 hom. in Matth. Григ. Двоесловъ говоритъ: „что такое кровь Агнца—этому вы научились не только чрезъ слышанiе, но и чрезъ питiе. Ибо эта кровь въ томъ и другомъ случаѣ полагается (ponitur): когда всасывается не только устами сердца, но и устами тѣла ²⁾“. Въ этихъ словахъ Григорiя Двоеслова прекрасно выражена мысль о реальномъ претворенiи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа. Здѣсь Григорiй говоритъ, что христiанинъ въ таинствѣ не только сердцемъ воспринимаетъ Христа, духовно съ нимъ соединяется, но и воспринимаетъ его чувственно. Чувственное же воспрiятiе можетъ быть, очевидно, лишь только въ случаѣ преложенiя, пресуществленiя хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа.

Св. Григорiемъ Двоесловомъ мы окончимъ обзоръ ученiя о пресуществленiи отцовъ и учителей Западной Церкви. Выводъ, къ которому можно придти послѣ обзора этого ученiя, тотъ, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ученiе о пресуществленiи принимало все большую и большую ясность и опредѣленность. Окончательное же завершенiе свое оно получило у св. I. Дамаскина.

¹⁾ См. предисл. издат. *ibid.* pag 243 et sq.

²⁾ Quid est sanguis agni, non jam audiendo, sed bibendo di icistis: qui sanguis super utrumque postem ponitur, quando non solum ore corporis, sed etiam ore cordis hauritur.

I. Дамаскинъ въ „Точномъ Изложеніи Православной Вѣры“ собралъ, привелъ въ систему и объяснилъ то, что было накоплено предшествующими вѣками. На него, слѣдовательно, можно смотрѣть, какъ на выразителя церковнаго ученія первыхъ VII вв. Ученію о таинствѣ Евхаристіи и именно вопросу о пресуществленіи онъ отвелъ цѣлую главу—13-ю (IV кн.): „О святыхъ и пречистыхъ таинствахъ Господнихъ“. Вотъ краткое изложеніе этого ученія. Для постоянного единенія вѣрующихъ съ собой и ихъ освященія Господь Иисусъ Христосъ на тайной вечери со своими учениками установилъ святѣйшее таинство Евхаристіи (13, 4)¹⁾. Сущность этого таинства состоитъ въ томъ, что „хлѣбъ и вино чрезъ призваніе Духа Святаго преестественно (*ὑπερφυσικῶς*) измѣняются (*μεταμοιούνται*) въ тѣло Христово и кровь (*εἰς τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ καὶ τὸ αἷμα*) и не суть два, но едино и то же самое (*καὶ οὐκ εἰσὶ δύο, ἀλλ' ἓν καὶ τὸ αὐτό*) (13, 7). Самый актъ преложенія нельзя понимать такъ, будто бы „вознесшеся тѣло нисходитъ съ неба“ и соединяется съ евхаристическимъ хлѣбомъ²⁾, но именно въ смыслъ претворенія, измѣненія хлѣба въ тѣло и кровь Христову (13, 7)³⁾. Нѣкоторую аналогію этого преложенія можно видѣть въ обычномъ образѣ питанія, гдѣ „хлѣбъ чрезъ съѣданіе и вино и вода чрезъ выпиваніе измѣняются (*μεταβάλλονται*) въ тѣло и кровь того, кто ѣстъ и пьетъ, и не дѣлаются (*οὐ γίνονται*) другимъ тѣломъ по сравненію съ прежнимъ его тѣломъ“ (13, 7). Евхаристическій хлѣбъ по преложеніи, какъ и Христосъ по воплощеніи, включаетъ въ себѣ двѣ природы божескую и человѣческую, „не одно естество, но два“ (*οὐ μία φύσις, ἀλλὰ δύο*—XIII, 10). Если на Евхаристическіе хлѣбъ и вино нельзя смотрѣть какъ на проводниковъ Божества въ тѣло человѣка, т. е. таинство Евхаристіи нельзя

1) Русскій текстъ 13-ой гл. IV кн. см. „Точное изложеніе Прав Вѣры I. Дамаскина“, пер. Бронзова, Спб. 1894 г. стр. 218—226 Греческ. подл. *Τοῦ ἐν ἀρχαῖς πατρὸς ἡμῶν Ἱ. Δαμασκηνῶν... τα εὐρισκόμενα ταῦτα*. Изд. Mich Lequien. Parisiis 1712 г. pag. 266—273.

2) *οὐ ὅτι τὸ ἀναψφθὲν σῶμα ἐξ οὐραοῦ κατ'έρχεται, ἀλλ' ὅτι αὐτός ὁ ἕστος καὶ οἶος μεταμοιούνται εἰς σῶμα καὶ αἷμα Θεοῦ.*

3) Слова эти говорятъ какъ разъ противъ протестантовъ. Не даровъ они приводятся и въ „посланіи Восточныхъ Патріарховъ“ (гл. 17), направленномъ противъ нихъ же.

понимать такъ, будто въ пемъ вмѣстѣ съ истиннымъ Христомъ находятся истинные же, не пресуществленные хлѣбъ и вино, то тѣмъ болѣе въ евхаристическомъ хлѣбѣ и винѣ нельзя видѣть лишь только образы тѣла и крови Христа. „Хлѣбъ и вино не есть образъ (τύπος) тѣла и крови Христа“ говоритъ Дамаскинъ, но самое тѣло Господа обожествленное (θεωσώμενον), такъ какъ Самъ Господь сказалъ: сѣ есть Мое, не образъ (οὐ τύπος) тѣла, но тѣло“ (13, 9). „Если же нѣкоторые и назвали хлѣбъ и вино образами (ἀντίτυπα) тѣла и крови Господа, подобно тому какъ говорилъ богопосный Василий, то сказали (о хлѣбѣ и винѣ) не послѣ ихъ освященія, но прежде освященія, назвавъ такъ самое приношеніе (προσφοράν) (13, 14). Таинство предложія непостижимо для человѣка; единственное объясненіе возможности его заключается во всемогуществѣ Божиѣмъ, Богъ все произвелъ изъ небытія въ бытіе, создалъ твердь, небо, землю, воду, огонь, „осуществилъ безсѣменно для Собя плоть“ во чревѣ пресв. Дѣвы Маріи; какъ всемогущій Творецъ, Онъ и здѣсь (т. е. въ таинствѣ Евхаристіи) „дѣйствіемъ Духа Святаго совершаетъ (ἐποιήσῃ) то, что превышаетъ естество и чего (ничто) кромѣ одной только вѣры не можетъ вмѣстить (13, 5)“.

Изложенное ученіе I. Дамаскина такъ ясно и опредѣленно говоритъ въ пользу предложія евхаристическихъ элементовъ въ тѣло и кровь Христову, что, кажется, не должно оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вѣры этого Отца въ пресуществленіе. II дѣйствительно, многіе протестанты (Covelius, Chemnitius, Kieslingius ¹⁾ и др.) открыто признаются, что Дамаскинъ „слишкомъ злоупотребляетъ своею (богословскою) способностью“, „либеральничаетъ“ въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи, либеральничаетъ, конечно, съ протестантской точки зрѣнія, т. е. стоитъ на сторонѣ пресуществленія. Правда, нѣкоторое основаніе для себя протестанты могутъ находить въ слѣдующихъ словахъ Дамаскина: „хлѣбъ общенія— не простой хлѣбъ, но соединенный съ Божествомъ“ ²⁾, понимая, ко-

¹⁾ См у Kiesl. Op. cit. pp. 81—84.

²⁾ Ὁ ἄρτος τῆς κοινωρίας οὐκ ἄρτος, λιτός ἐστι, ἀλλ' ἠνομήνος θεότητι (XII, 10).

нечно, ихъ въ томъ смыслѣ, что съ простымъ, непресуществленнымъ хлѣбомъ въ Евхаристіи соединяется ипостасно (*ипрапатіо*) І. Христось, подобно тому какъ въ воплощеніи Онъ принялъ на себя обычную плоть человѣческую, не переставая быть Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣняя существа этой плоти. Такъ можно толковать слова Дамаскина, если взять ихъ отдѣльно, безъ контекста рѣчи. Совсѣмъ другое, какъ разъ опровергающее лютеранъ значеніе получаютъ они въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ. Прежде Дамаскинъ, сравнивая Евхаристію съ углемъ горящимъ, который видѣлъ Исаи, указывалъ на необходимость приготовленія къ принатію тѣла и крови Христовой. Какъ огонь, который обладаетъ свойствомъ жечь при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему, прикоснувшись къ устамъ Исаи, очистилъ его отъ грѣховъ; такъ и Евхаристія, питая достойныхъ, опалаетъ недостойныхъ, ибо она „не обыкновенный хлѣбъ, но соединенный съ Божествомъ“, такъ что въ Евхаристіи, какъ и въ Самомъ Христѣ двѣ природы—божеская и человѣческая, причемъ одно, конечно, природа тѣла и другое—природа соединеннаго съ нимъ Божества (13, 10). Мысль Дамаскина очевидна: Евхаристія—полнѣйшій образъ, повтореніе Христа воплотившагося: въ евхаристическомъ хлѣбѣ и винѣ, какъ и въ Самомъ Агницѣ, закланномъ за спасеніе міра, двѣ природы—божеская и человѣческая, весь Христось въ соединеніи двухъ естествъ. Но св. отецъ далекъ отъ мысли протестантовъ, по ученію которыхъ Христось въ единствѣ своихъ обоихъ естествъ соединяется еще съ простымъ, непресуществленнымъ евхаристическимъ хлѣбомъ. Мысль Дамаскина еще яснѣе выражена въ другомъ уже приведенномъ нами мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что Христось не со внѣ, такъ сказать, приходитъ въ евхаристическій хлѣбъ, „не вознесшееся тѣло нисходитъ съ неба“, а самый именно хлѣбъ измѣняется въ истинное тѣло Христово.

Такимъ образомъ, св. І. Дамаскинъ въ ученіи о пресуществленіи стоитъ на строго православной точкѣ зрѣнія. Хотя у него и не употребляется терминъ *μετουσίωσις*, а употребляются болѣе легкіе: *μεταποίησις* и *μεταβάλλεσις*, тѣмъ не менѣе термины эти сопровождаются столь отчетливымъ и точнымъ ученіемъ объ измѣненіи евхаристическихъ эле-

ментовъ въ тѣло и кровь Христа, что у Дамаскина съ полнымъ правомъ могутъ замѣнить *μετουσίωσις*.

I. Дамаскинъ въ ученіи объ Евхаристіи напелъ себѣ прекраснаго преемника въ лицѣ б'ѣж. Теофилакта, еписк. Болгарскаго (начала IX в.)¹⁾.

Теофилактъ, подобно Дамаскину, тоже пользуется терминологіей греческихъ σφцовъ IV—V в.: *μεταβάλλεσθαι*, *μεταποιεῖσθαι*, *μεταστοιχεῖσθαι*; но у него, какъ и у Дамаскина, термины эти употребляются въ такомъ ясномъ, не допускающемъ никакого сомнѣнія, смыслѣ, что Теофилакта смѣло можно назвать предшественникомъ Геннадія и Мелетія Пигаса.

Утвердивъ предварительно ту мысль, что хлѣбъ и вино не образъ (*ἄρτίτυλον*) тѣла и крови Христа, а само тѣло и кровь²⁾, Теофилактъ разрѣшаетъ далѣе могущее представиться возраженіе: „какъ это? вѣдь плоти въ таинствѣ не видно?“ Это, говоритъ онъ, ради немощи нашей. Такъ какъ хлѣбъ и вино—обыкновенныя для насъ вещи, видѣть же предложенную намъ плоть и кровь было бы нестерпимо для насъ и мы отвратились бы отъ нихъ: то человѣколюбецъ Богъ, по снисхожденію къ намъ, сохраняетъ видъ хлѣба и вина, но они прелагаются (*μεταστοιχοῖ*) въ силу плоти и крови“. Теофилактъ, такимъ образомъ, вѣруеть, что хлѣбъ и вино—реальныя тѣло и кровь Христа и если еще сохраняютъ вѣншній видъ, то ради немощи человѣческой: самое же существо ихъ прелагается, пресуществляется въ тѣло и кровь Спасителя.

Послѣдующее за Теофилактомъ время—вѣка X—XIV не даетъ намъ видныхъ церковныхъ писателей и ученіе о пресуществленіи не получило въ нихъ болѣе яснаго раскрытія. Если у Евемія Зигабена (XII в.)³⁾, Николая Мееонен-

¹⁾ Сочиненія его: 1) въ русск. пер.—Благовѣстникъ или толкованіе блаж. Теофилакта арх. Болгарскаго на св. Евангеліе. Изд. Каз. Д. А. Казань 1857 г. ч. 1, 2, 4. Греч. подл.—*Θεοφιλάκτου, ἀρχ. Βουλγαρίων ἐρημνεία εἰς τὰ τέσσαρα εὐαγγέλια*. Parisiis. 1735 г. Подробныя цитаты будутъ указаны при самомъ изложеніи

²⁾ На 14 гл. Марка. Греч. подл. стр. 272; ср. на 26 гл. Мѣ.—стр. 162.

³⁾ Biblioth. Vetr. Patrum. Ed. Andr. Gallandi 1781. Censuris. Eux. Zig. Specimen. satonae in quatuor Euang pag. 307.

скаго, Симона Газскаго ¹⁾ и Пиколая Кавасилы ²⁾ (конц. XIV в.) и встрѣчаются небольшія замѣчанія объ Евхаристіи, то они ничего новаго, особеннаго не представляютъ. Очевидно, эти писатели пользуются лишь только тѣмъ, что выработала предшествующая богословская наука въ лицѣ Дамаскина и другихъ отцовъ, не привнося ничего своего. И терминологія у нихъ обычная: *μεταλοιῆν* (*ἀπορρήτως μεταλοιῆ καὶ ταῦτα* (ἀρτ. καὶ οἶν.) *εἰς αὐτὸ τὸ ζωολογὸν αὐτοῦ ὄψια καὶ εἰς...*—Зигаб.) ³⁾ и *μεταβάλλεσθαι* (*μεταβληθῆναι τὸν μὲν ἄρτον εἰς αὐτὸ τὸ τίμον αὐτοῦ καὶ ἄρτον ὄψια, τὸν δὲ οἶνον...*— у Кавасилы ⁴⁾).

О развитіи ученія и термина пресуществленіе на Западѣ въ XI—XII вв. и на Востокѣ въ XV—XVII вв. мы говорили уже въ первой части изслѣдованія. Въ виду этого свою задачу считаемъ законченною. Мы прослѣдили исторію развитія ученія о пресуществленіи и пришли къ тому выводу, что ученіе это было изначальнымъ въ Церкви. О пресуществленіи учило громадное большинство отцовъ и учителей Церкви, которые такъ или иначе затрогивали вопросъ объ Евхаристіи. Общую схему ихъ ученія можно представить въ такомъ видѣ: 1) Евхаристическіе хлѣбъ и вино, послѣ ихъ освященія оставляютъ свою субстанцію и дѣлаются истиннымъ, реальнымъ тѣломъ и кровью Христа (Григ. Нисск., Кир. Иерус., Амвросій, Евс. Эмисс. Дамаск. и мн. др.). 2) Принимая Св. Дары, не должно полагаться на чувства, а „вѣрою принимать, что сподобляешься истиннаго тѣла и крови Христовыхъ“ (тѣ-же и Илар. Пуатьеск.). 3) Подобіемъ Евхаристическаго преложенія можетъ служить преложеніе пищи въ тѣло и кровь Христа во время земной Его жизни (Григ. Нисск., I. Дамаск.). Примѣры перемѣны одной субстанціи мы видимъ и въ чудесахъ, напр., претвореніи воды въ вино, превращенія жезла въ змія и т. п. (Кир. Иер., Амвр., Август., Дамаск. и др.). 5) Вообще же нужно сказать, что образъ преложенія недостижимъ для человѣка и единственная причина его заключается во все-

¹⁾ О нихъ у Bellarm. t. III, l. III, c. XX. p. 333.

²⁾ в ³⁾ Kiesl. op. cit. pag.

³⁾ Biblioth. veter. Patrum. Ed. Andr. Gallandij 1781. Venetus. Enc. Zig. Specimen. catenae in quatuor Euang. pag. 307.

могущество Божіе (почти всё, особенно Амврос., Григ. Нисск., I. Злат.). Не можемъ не привести въ заключеніе словъ Лейбница, ученаго насколько безпристрастнаго, настолько же извѣстнаго глубиною свѣдѣхъ богословскихъ воззрѣній. „Древняя Церковь, говоритъ онъ, довольно ясно учила, что хлѣбъ перемѣняется въ тѣло Христа, а вино— въ кровь, и отчасти здѣсь древніе признають *μεταστοιχείωσιν*, каковое слово Латиняне правильно перевели словомъ *transsubstantiatio*.... слѣдовательно, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь Писаніе должно быть объясняемо на основаніи преданія, которое хранительница Церковь простираетъ даже до нашихъ дней“¹⁾.

В. Малаховъ.

---

¹⁾ См. его *Systema Theolog.* pag. 226. Цит. заимств. изъ Реггоне, t. VI, p. 213.